

ГЛАВА 13. Теория элит. Технологии социально-политического анализа. Эволюция\инволюция элит

Определение «элиты» Слово «элита» происходит от латинского глагола «*elegere*» — «избирать». Элита — означает «избранные».

Термин может трактоваться довольно широко. В традиционном, сакральном обществе понятие «избранничества» предполагает избранничество Божеством, символическим «небом». *Здесь «элитой» являются те, кого избрало Божество.* Это избрание имеет сущностный характер, как проявление высшей воли и высшей мудрости, сосредоточенное в том или ином человеке. Таким же образом понятие «избранничества» толкуется и в христианской традиции.

В широком смысле, в традиционном обществе под «элитой» следует понимать высшие касты. Они — «избранные» по логике самой системы. Предполагается, что «элиты» имеют прямое «божественное происхождение»; для древних, сакральных систем под этим подразумевались *родственные отношения с Божеством.* В элитах традиционного общества всегда открыто возможность перехода между человеческим и сверхчеловеческим началами, такие элиты *сакральны.* Структура власти основана на этой сакральности, проистекает из нее.

Пирамидальное устройство традиционного общества Устройство традиционного общества может быть уподоблено пирамиде: внизу — *количественный* аспект (массы), вверху — *качественный* (элиты). Чем выше место в пирамиде, тем меньше равных между собой элементов, тем больше качества, и наоборот. Так как качество, смысл, сакральность, власть в традиционном обществе *совпадают*, то его структура основывается на элите, концентрирует на ней свое внимание. Элиты, таким образом, представляют собой *содержательный элемент традиционного общества.*

В истории сакральных обществ высшими кастами были касты жрецов и воинов, они-то и составляли ядро сакральной элиты. Поскольку в общей системе традиционного общества преобладали *качественные* стороны, в центре внимания были вопросы, связанные с элитами. *История элит, ее диалектика, ее исторический выбор, ее эволюция или инволюция были синонимом истории народов, государств, культур, обществ.*

Семантика термина «князь» в Традиции Показательно использование термина «князь» (на иврите — «sar») в ветхозаветной традиции. Он означает в разных контекстах четыре различных объекта.

Во-первых, это собственно «*верховный правитель*», *персонифицированная власть*.

Во-вторых, *совокупное название элиты* (до сих пор в ходу выражение «князья церкви», т.е. «жреческая элита»).

В-третьих, это *символическое имя «ангела»*, т.е. божественного посланника, приставленного к народу и выражающего его сверхисторическую миссию.

В-четвертых, это сам «*народ*» в его *совокупном определении*.

Таким образом, понятие «князь» приложимо к сакральной функции элиты во всех ее измерениях. Это и власть, и ее персонификация, и ее божественная миссия, и обобщение всей национальной истории, совокупное выражение того, что совершают поколения людей, принадлежащие к данному социально-политическому, историческому и этническому образованию.

Сакральные элиты *обобщают* смысл существования государств и народов.

Массы в традиционном обществе осознают себя через элиты Когда мы разбираем мифы, предания, хроники и обряды традиционного общества, то имеем дело преимущественно с информацией, касающейся именно сакральных элит. Они отражают ускользающие от нас детали скрытых конфликтов, тонких идеологических и религиозных коллизий, кастовых противоречий, династических проблем, развертывавшихся в лоне элит. Для других слоев населения — низших каст — эти же сюжеты воспринимались как архетипические парадигмы, как эпические предания, представляющие образец для подражания, изучения, эмоционального, психологического и нравственного соучастия.

Эти особенности показывают и другую сторону: «за кадром» картины мира сакрального общества остается жизнь «масс», «низших» каст. Количество «массы» представляют собой большинство, но кастовая система устроена таким образом, что описание и рассмотрение их жизни не считается в традиционном обществе насущной задачей. Иными словами, наличие в традиционном обществе низших каст, т.е. «неэлиты», «массы», ровным счетом ничего не меняет в его содержательной стороне.

«Низшие касты», «массы», те слои традиционного общества, которые не попадают в элиту, отождествляют *свое* бытие не со своей кастой, а именно с *элитой*. Простой крестьянин или труженик в таком обществе сакрально переживает и осмысляет себя как персонаж мифа, культа или королевских хроник. В какой-то мере он *соучаствует в жизни элит через мифологизированную и архетипическую информацию о ней*. Марксисты назвали бы это «отсутствием классового самосознания» у низших каст, у масс. *Мас-*

сы в традиционном обществе не сознают себя как массы, они воспринимают себя как «продолжение элиты».

Это любопытно отражено в православной символике брака: в ходе венчания над женихом и невестой держат царские короны — отсюда слово «венчание», «венец» (т.е. «корона»). В православном таинстве брака человек любого сословия, даже самый низший и обездоленный, выступает в своем архетипическом — царском, княжеском, элитарном качестве; он ритуально отождествляется с властелином.

Касты и индусское учение о гунах В индуизме, где кастовая теория развита наиболее полно и обстоятельно, существует учение о трех «гунах» (качествах): гуна «чистого света», «бытия» — «саттва»; гуна «распространения», «растяжения» — «раджа» и

гуна «мрака» — «тамас». Кастовое учение предполагает, что гуна «саттва», гуна «чистого света», соответствует касте брахманов, гуна «раджа» или «гуна экспансии», «огненная гунна» — касте кшатриев, а гуна «тамас» — телу, тьме, материи, количеству, вещам и низшим кастам. Три уровня: «чистый свет», «огонь» (помутненный свет), «тьма». Элита (в индуистском понимании) есть *проявление света в двух аспектах*: световом и огненном; свет светит, огонь жжет, пожирает, распространяется. Точно так же, брахман своим кастовым сознанием освещает; кшатрий, движимый дуалистическим сознанием, жжет, несет свет; внизу же пребывает неподвижный холод и мрак пассивных «масс». В третьей касте вайшьи, сосуществуют два начала — «раджа», огненное, и «тамас», темное. Они образуют «темный огонь» — в нем преобладает жар, а свет умален и тускл. Соответственно, все положительное в касте вайшьев связано со следами «кшатрийского огня». Идеальный вайшья — это максимальное приближение к касте воинов, поэтому из крестьян и простолудиново правители и набирали свои войска. То, что в касте вайшьев (третье сословие) есть собственного и отличного от высших каст, выражено в чистой инерции, в пассивности, в грубости и материальности, т.е. в негативных качествах, по существу ничего не добавляющих к структуре архетипа. Вайшья переживает на более низком уровне драматические сюжеты именно воинской касты, а в некоторых случаях — и жреческой. Но это переживание протекает в замутненном, отложенном режиме, опосредовано материей и ее сопротивлением. Подобно истории с пещерой Платона: третье сословие наблюдает тени, воины — предметы, а жрецы — сами идеи в их полной солнечной развоплощенности.

Сама «материя» (гуна «тамас») качественно ничего не добавляет к мировоззренческой структуре сакрального общества; степень проникнутости ею лишь откладывает дистанцию от центра к периферии, от смысловой и содержательной прозрачности бытия элит к смутной невразумительности рассеянного и инерциального бытия масс.

Данная система легко объясняет, почему в традиционном обществе фактор большинства, количества, множества не имел практически никакого значения. Множественность — это отличительная черта массы и периферии, которые уже по этой причине находятся на противоположном полюсе от истины и центра. Жрецы и воины — составлявшие элиту общества — всегда были в меньшинстве, и в этом воплощалась сама онтологическая логика сакральной политики. Предельного выражения эта идея находит в «единовластии», «самодержавии», «монархическом строе».

Массы представляли собой чистый изъян, недостаток, искажение. Они приобретали самосознание, значение и содержание по мере восхождения, вступления в элиту, но в этом процессе (который был во многих традиционных обществах открытым и доступным через духовные школы, монашеские общины и т.д.) они переставали быть собственно массами, экзальтируя в своем внутреннем бытии качественные стороны.

Сакральное общество может быть названо «*элитоцентричным*»: в нем «элиты» рассматриваются как онтологический и духовный элемент, соединяющий материю с духом, землю с небом.

Онтократия Поскольку кастовые принципы общественного устройства являются социальным воплощением бытийных, *онтологических* принципов, попыткой их фиксации, такую систему можно назвать «*онтократией*» (от греческих слов «*ἴστος*» — «бытие» и «*kratos*» — «сила»).

Онтократия, с точки зрения кастовых принципов, означает, что человек рождается в той или иной касте, связанной с онтологическим началом не по исторической случайности, а согласно «духовной предопределенности». Так проявляет себя через природу личностной, индивидуальной души более высокая надличностная, бессмертная духовная инстанция. С точки зрения традиционного сознания, здесь нет никакой «несправедливости». Если добавить к этому учение о «трансмиграции»*, «метемпсихозе»*, т.е. признание возможности последующего перевоплощения в других кастах, снимающего некоторую безысходность этой концепции, то легко понять психологию «низших каст» (почему «неэлита» мирится с существованием элиты, почему она признает содержательную сторону элитоцентризма и с ним солидарна).

На этом принципе основывается в традиционном обществе почитание царя. В Древней Руси бытие царя, «жизнь за царя» — высшего центра элиты — были оправданием существования всех русских людей — и знатных бояр и простых холопов¹.

Политика — дело элит Для рассмотрения философии политики в традиционном обществе нам достаточно рассмотреть *философию политики элит*, потому что никакой иной философии политики там не существует. Внимательное рассмотрение и описание элиты, ис-

следование происходящих внутри нее процессов дает фундаментальную социально-политическую модель, элементы которой восстанавливаются достаточно просто.

Именно на уровне элит и происходят основные трения, приводящие к катаклизмам традиционного общества.

Несмотря на то, что из трудов историков подчас складывается ощущение, что восстания крестьян или городской бедноты в древнем мире происходили из-за того, что простолюдинов морили голодом, угнетали и донимали поборами и несправедливостями господ или чиновники, на самом деле, внимательный анализ показывает, что за этими событиями всегда стояли те или иные представители элиты, заигрывавшие с массами, использующие их. Известна любопытная социологическая закономерность: все крупные народные бунты и восстания, попавшие в летописные хроники, происходят, как правило, в период ослабления центральной государственной власти — либо из-за борьбы властных аристократических группировок друг с другом, либо из-за столкновения различных идеологических течений. Нет ни одной революции, ни одного политического переворота или восстания (формально осуществленных народными, крестьянскими массами — представителями низших каст), за которыми не стояли бы *представители элиты*.

Если в традиционном обществе мы видим крестьянское восстание, выражающее интересы крестьян, за ним обязательно отыщутся представители элиты — например, сын императора, которому не достался трон, представитель какой-нибудь религиозной секты или духовного течения. Если сам вождь народного восстания происходит из низов, он, как правило, вооружается мифом о своем *избранничестве* — часто, о царском происхождении (например, донской казак Емельян Пугачев в полутрадиционной России XVIII века, поднявший в августе 1773 года восстание яицких казаков, выступал под именем «императора» Петра III). Без *элитарной* подоплеки (значение которой умаляла марксистская историография) ни одного серьезного политического события в традиционном обществе произойти не могло.

Пренебрежение изучением элитного фактора в социологии традиционного общества характерно для тех исторических школ и направлений в политологии, которые заражены «экономизмом», т.е. выделением в качестве основных двигателей истории материально-хозяйственных факторов, связанных с массами. Такой подход характерен не только для марксистов, но и для либералов, видящих в кастовой системе лишь идеологическое прикрытие для перераспределения материальных благ.

Центральная роль представителей элит во всех политических катаклизмах обнаруживается не только в традиционных обществах. Если внимательно изучать эпоху перехода к современному укладу, бурную историю буржуазных и даже пролетарских революций, мы обязательно встретим повсюду представителей высших сословий — экстравагантных князей и графов, дигнитариев масонских лож, священников-отступников, «еретиков» и «гнос-

тиков», исповедующих какие-нибудь сектантские или просто экстравагантные культы и верования. Если принять *элитоцентричность* общества за постоянную величину, за выражение самой социально-психологической особенности политической организации, укорененной в логике истории, то это существенно облегчит адекватный анализ политических систем.

Метод интерпретации политических процессов через анализ и сфокусированное рассмотрение ситуации элит и их структур до сих пор является одним из наиболее эффективных и точных методов осмысления философии политики.

Политика в самом широком смысле — дело «элит».

Мифы массы — забытые мифы элит — Термину «элита» обычно противопоставляют термин «массы». «Элита и массы» — классическая политологическая пара.

Сам термин «масса» есть атрибут материи, множества, количества, это следует из этимологии. Мы видели, что концепция массы в традиционном обществе не несет в себе никакой качественной нагрузки, и поэтому рассмотрение фактора масс затруднено и довольно бессодержательно. В сакральной цивилизации *качества*, опознаваемые у масс как свойственные им, при внимательном анализе оказываются лишь видоизмененными проекциями *качеств* элит, адаптированных к более грубой и плотной среде. Мифы, верования, обряды, организации низших каст, по сути, повторяют на своем уровне аналогичные инстанции элит.

Народ не складывает песен и не порождает верований и преданий: он вбирает, впитывает в себя духовные учения жрецов и воинов и бережно хранит их в течение веков, при том, что сами элиты подчас их утрачивают. Так возникает иллюзия наличия у низших каст и сословий собственной традиции, отличной от традиции элит. Но это, как правило, лишь проявления более древних духовных и мировоззренческих систем, по тем или иным причинам либо отброшенных правящими элитами, либо существенно переработанных ими.

Похожая ситуация возникает с анализом политических организаций, претендующих на мобилизацию масс. Все они уходят корнями в некоторые элитарные духовные учения, которые в определенный момент могут войти, причем самым причудливым образом, в резонанс с «параллельной религиозностью» народных слоев².

В области фольклора, рассмотренного как собственно «народное творчество», большинство сюжетов повествует о событиях, связанных с царями, царевичами, князьями, героями, мудрецами и богами. Эти же фигуры угадываются и под более приземленными образами кузнецов, купцов, простецов и т.д. Даже в самых архаических сюжетах про сказочных зверей, антропоморфных чудищ, болота, теремки, сучки и мхи, зашифрованы фрагменты целостного сакрального знания, перешедшего к

массам от очень древних элит, причем часто ключ к расшифровке этих духовных историй безвозвратно утерян. Это не что иное, как фрагменты повествования о подлинной структуре реальности, некогда бывшей достоянием дневного и прозрачного знания элит, но затем перешедшей на уровень сумеречного, ночного бытия, ставшей туманной и сновиденческой. *Мифы масс* — это разновидность мифа предшествующих элит.

В русской истории важнейшие системы верований менялись неоднократно. Скандинавские дружины привезли с собой германские версии язычества, слившиеся в ранний Киевский период с автохтонными славянскими культами и верованиями, составившими основу духовной традиции и народной мифологии (по сути это были верования древнеславянских жрецов и племенных вождей).

При князе Владимире «Красном Солнышке» элита отменила эту модель в пользу византийского христианства, Русь крестилась. Произошла явная и внушительная смена идеологии элит. Но пласты более древнего сакрального мировоззрения сохранялись в массах русских людей, жили там века и века, сочетаясь с новой, принятой от греков и внедренной князьями, верой.

Кто передал эти дохристианские идеи в народ? Те же самые представители высших каст, и чем глубже пласты фольклора и преданий, тем древнее, как правило, тот исторический этап, когда это произошло.

Элита, таким образом, играет в обществе *формобразующую роль* — если следовать концепции Аристотеля, противопоставлявшего «форму» и «материю», «*forma*» и «*ul h*» («гюле» — греческое «древо», «материя»). Массы — пластическая субстанция, формируемая элитой. Наиболее очевидна и детализирована такая модель в полноценном кастовом обществе, где социальное и метафизическое сливаются. Это и есть онтократия.

Откаст к сословиям — Рассмотрим, как в мировой политической истории происходит постепенный отказ от кастового принципа и кастового общества, и как в этой связи меняются функции элиты. Кастовое общество основано на *принципе онтократии*, т.е. отождествления социальных функций и внутренней бытийной природы определенного типа. Первым этапом перехода от кастового общества к его антитезе, к бескастовому обществу или обществу без иерархии, является *сословное общество*.

Сословное общество основано на принципе «*меритократии*»* — «власти заслуженных».

Принципиальное отличие сословий от каст в том, что в сословном обществе есть *возможность перехода из одного сословия в другое*. Принцип каст заключается в том, что *перейти из одной касты в другую невозможно ни при каких обстоятельствах*, каста предопределяет

бытие человека изнутри и в течение всего жизненного срока. В касте проявляется «высший закон», не зависящий от индивидуальных заслуг.

Идея сословий иная: принадлежность к высшим сословиям — аристократии — может быть получена за счет индивидуальных заслуг. Высший иерарх (царь или жрец) данного общества через определенный обряд, постановление или иную форму волеизъявления может возвести человека низшего сословия в высшее за определенные заслуги. Это называется «аноблированием»*.

Привилегии и социальный статус, т.е. принадлежность к высшему сословию «аноблированного» распространяются и на его потомков. Теоретически, это означает, что и у истоков родовой знати сословного общества некогда также стояли люди, совершившие поступки, высоко оцененные политическим сообществом. Иными словами, в отличие от полноценного кастового общества общество сословное связывает принадлежность к касте не с неизменным качеством бытия, но со стихией действия, игры, случая, усилия и воли. Несмотря на то, что сословное и кастовое общества имеют некоторые общие черты — в первую очередь, передачу социального статуса по наследству — они глубоко различны в своих предпосылках, так как проистекают из разных моделей понимания взаимосвязей человека, общества и мира. В кастовой системе устройство реальности непрерывно — от стихий мира, к пластам человеческой природы вплоть до социальной модели. Различие в природе стихий выражается в различиях между людьми — и это неснимаемо, не зависит ни от чего. (Мы видели, что статичность такого подхода компенсируется в определенной мере структурой «тайных обществ», «параллельной иерархией», где акцент ставится на волевое и индивидуальное начало). Социальные различия каст, таким образом, коренятся в самой абсолютной природе реальности и не зависят от исторической и индивидуальной конкретики.

В сословной системе эта предпосылка — онтократическое измерение кастовой системы — отсутствует или, по меньшей мере, опосредована. Высшие сословия отличаются от низших не по природе, но в силу определенных исторических ситуаций — действий и их результатов. Меритократия — в отличие от онтократии, претендующей на отражение неизменной природы вещей — предполагает зависимость от жеста.

Принцип «избранничества» в меритократии В сословном обществе концепция «элиты» меняет значение. Если в кастовом обществе под «элитарностью», «избранностью» понималась врожденная наделенность внутренней природой, приближенной к божественной, «родственной» божеству (и это не требовало от человека индивидуальных усилий), то в сословном обществе «избранничество» приобретало иной, более драматический характер; «избрать» человека в высшие сословия мог либо жрец, либо вождь, либо общее мнение народа, племени, обще-

ства, либо, наконец, прямое вмешательство Божества. Во всех случаях мы имеем дело с вторжением в природу вещей какой-то особой силы, которая оценивает — так или иначе — поступки, действия, жесты человека. Meritus, «заслуга» — это не данность, как в онтократии, но плод усилий, действий, результат активности. В сословном обществе всегда имеется объяснение причины принадлежности человека к высшей касте: либо личные заслуги, либо заслуги предков, либо что-то еще.

Точно так же избрание осуществляется и в отношении первых лиц иерархий — царей на царство помазует священник, королей избирают князья, патриархов и митрополитов епископы, в определенных случаях учитывается и мнение народа.

В меритократии — по сравнению с онтократией — меняется само представление о сущности «элиты». Собственно, сам термин «элита» строго соответствует именно сословному принципу, а к кастовому обществу он приложим лишь в силу аналогии, так как «онтократия» не зависит от жеста — жеста избранничества.

Сословный строй и религия Откровения Переход от каст к сословиям тесно связан с авраамической креационистской моделью, авраамическими традициями.

С точки зрения креационизма, между Богом и миром нет никакой общей меры, мир сотворен из ничто. Ни низшее, ни высшее в мире не содержит в себе прямого присутствия Божества. Божество свободно выбирать само: «это избери, а это нет», независимо от того, какова природа избираемого или отвергаемого. Так возникает негативное равенство креационизма.

Любая иерархия в рамках сотворенной реальности теряет абсолютное онтологическое значение и основывается отныне на волевом декрете. В полноценной метафизической картине этот декрет исходит от Бога-творца и обращен к тварному человечеству: то, что заслуживает доброго ответа Творца становится «избранным», то, что не заслуживает, становится «проклятым», «отверженным». Здесь и коренится глубинная теологическая модель перехода от онтократии к меритократии.

В рамках креационизма после решительного момента разрыва с кастовой онтологией открывается возможность многообразной модификации той инстанции, которой делегирована возможность избирать. Это происходит поэтапно — на первых порах право на выбор остается у касты жрецов и института пророков, призванных толковать волю Творца. В другие периоды эти полномочия могут переходить к иным кастам и так вплоть до известной максимы «Vox populi — Vox Dei»*.

Сословная модель получила отчетливое выражение именно в обществах, сложившихся после принятия религии Откровения, и именно там она достигла оптимального развития. В полном соответствии с нашей

интерпретацией религии Откровения (креационизма) как *переходной стадии между сакральным (полноценно традиционным) обществом и современностью*, сословное общество занимает *промежуточную* позицию между *кастовой и классовой системами*.

Классовое общество Касты, сословия и классы — это совершенно разные вещи. Мы показали логику происхождения сословий из каст в философском аспекте. Сословия — аналог каст в обществе с преобладанием креационистской парадигмы, что означает переход от представления о *природном* превосходстве одних существ (элиты) над другими к представлению об их *заслуженном, деятельном* превосходстве. При этом происходит умаление онтологического содержания в различии социальных слоев, своего рода *десакрализация элиты*. В определенном смысле, это открывает широкую возможность для постановки под сомнение любой иерархии — ведь заслуги одних людей (тем более их предков) могут быть оспорены заслугами других людей. Но качественное содержание сословий остается.

При переходе к классовому обществу происходит дальнейший этап десакрализации, на сей раз десакрализации сословий. *Классовым является общество, в котором сословные привилегии и принципы сословной дифференциации сводятся к простейшей формуле обладания средствами производства и прочими материальными богатствами.*

В политической истории классовое общество возникает только в Новое время, в период буржуазных революций по мере упадка влияния сословной элиты — клира и дворянства. Буржуа привносят свои ценности в социальную структуру, эти ценности сопряжены с чисто материальными сторонами жизни. Изгнание из сословного общества качественного измерения и сведение всего к чисто количественной, материальной стороне вещей дает совершенно иной взгляд на социальную систему — этот взгляд можно назвать классовым.

Классовое общество измеряет социальное положение по главному признаку — богатство, деньги, материальное обладание. Классовый подход характерен для поздних этапов сословного общества, но социальная иерархия сословий оценивается здесь по *материальному* эквиваленту — *качественная* сторона игнорируется.

Полноценно классовым обществом является лишь буржуазное общество, когда властные и иерархические полномочия высших каст — включая дворянство, земельную аристократию и клир — пересчитываются в материальном эквиваленте. Классовые теории отвергают сами принципы сословного общества, не признают действительности «меритократии» в ее сословном выражении. Вместе с тем, они продолжают (в своем ключе) те же меритократические тенденции, сводя их к узко материальной сфере.

Капитализм как десакрализация сословий (от онтократии через меритократию к плутократии) Классы возникают из сословий приблизительно в тот период, когда развивается политэкономическое мышление, политическая философия перетекает в хозяйственную философию. Классовое общество представляет собой новую модель, где иерархия, дифференциация и принцип элиты основаны исключительно на материальном признаке — на владении средствами производства, и, соответственно, на способности эксплуатировать те слои населения, которые не обладают собственными средствами производства, т.е. наемных рабочих.

В классовом обществе есть два принципиальных класса; *экономическая элита* (эксплуататоры) и *массы* (эксплуатируемые). Сословная модель представляла собой довольно сложную, многомерную систему: клирики, нобли, цеховики, крестьяне, батраки (все они имели качественно дифференцированные характеристики). В эпоху буржуазных преобразований, при капитализме возникает принципиально новая элита, ядром которой становится буржуазия, постепенно вытесняющая на вторые роли клир и земельную аристократию. Так как главным признаком элиты становится материальное благополучие, высшие сословия прежнего общества конвертируют свои отличительные признаки в деньги, средства производства, землю, т.е. признают критерии капиталистической системы и подчиняются им. В некоторых случаях классовое (буржуазное) общество опрокидывает сословную систему, в других она эволюционирует постепенно. Мало-помалу буржуазный критерий понимания природы общества начинает преобладать, и отныне социальная история расшифровывается по признаку обладания: для буржуа клир и нобли традиционного сословного общества по сути лишь богачи и обладатели, только скрывающие экономический эгоизм за фарисейским фасадом привилегий догм, обрядов, символов и мифов, искусственно препятствующих любым формам конкуренции и конвертирующих материальное богатство в политическую власть, защищенную системой законов. Капитализм на разных стадиях навязчиво предлагает высшим сословиям *поступить иначе*: конвертировать высокие социальные позиции в материальное богатство, открыв при этом возможность конкуренции для остальных сословий — в первую очередь, для предпринимателей и торговцев.

Классовое общество есть продукт десакрализации общества сословного, как последнее, в свою очередь, было продуктом десакрализации общества кастового.

Цепочка такова: *онтократия кастового общества трансформируется в меритократию общества сословного и наконец в плутократию общества классового.*

В классовом (буржуазном) обществе элитой выступают лишь наиболее имущие слои, которые являются особой инстанцией, ведающей

процессом накопления материальных благ и эксплуатацией трудового класса (масс, пролетариата). Буржуазия замещает собой прежние сословия, выступает как новая модель власти, основанной отныне на материальной, финансовой стихии. Элита буржуазного общества представляет собой финансовую элиту, учреждающую властную парадигму *плутократии* — дословно, «власти денег».

Меняется и качество масс — теперь это не низшие касты и не низшие сословия, но *экономически угнетенный класс*, дифференцированный по отношению к буржуазии (элите) по признаку *материального обладания* — конкретно, *отсутствия собственных средств производства*, подверженности эксплуатации и неснимаемой бедности. Низшие касты и сословия и в традиционном докапиталистическом обществе были в некотором смысле «угнетаемы» и бедны. Но тогда их отличие от высших каст имело помимо этого и *качественные* параметры — они были низшими сословиями (кастами) не из-за того, что были «угнетаемы и бедны», но наоборот, *они были угнетаемы и бедны, потому что были низшими*. Общественная иерархия распределяла статусы на основании *качественных* критериев — от оценки врожденной природы (онтократия) до заслуг и степени благородства (сословия). В классовом обществе иерархия как таковая отсутствует: единственной шкалой остается материальный фактор; тот, кто приобрел состояние, автоматически становится высшим, тот, кто не приобрел, — низшим. Остальные качественные факторы второстепенны: нищий аристократ при капитализме — это в первую очередь «нищий», т.е. часть массы и в каком-то смысле пролетарий. Разбогатевший чернорабочий — элита, имеющая доступ к власти, социальным почестям и другим признакам превосходства. Естественно, в реальности к буржуазной элите причисляется и те, кто обслуживает буржуазию — интеллектуально, информационно, эстетически, военным образом (обеспечивая безопасность), но это означает, что и материальный достаток этой группы повышается.

Феодалный социализм (антикапитализм) История буржуазных революций (и буржуазных эволюций) постоянно показывает нам типологические фигуры аристократов (и реже, клира, чье социально-политическое значение было релятивизировано еще ранее), которые *категорически отказывались от буржуазных идей и установок*, не желали конвертировать признаки своего положения и знаки достоинства в материальные эквиваленты, не готовы были уступить новым поколениям предпринимателей и торговцев. Среди подобных воинственных аристократов можно выделить разнообразных деятелей Контрреформации*, ультрамонтанистов*, романтиков*, противников Просвещения (Gegenaufklärung)*, денди*, либертинов* и т.д.

В этой среде возникли довольно радикальные антикапиталистические теории, впервые были сформулированы принципы серьезной критики клас-

сового общества, буржуазной философии и социально-политической системы. Эти настроения были свойственны как тем аристократам, кто не сумел осуществить конверсию своего благородства в материальный эквивалент и подвергся инфляции социального статуса, низойдя до положения пролетариата, так и тем, кто отверг капитализм по духовным, этическим и идейным соображениям.

Показательно, что среди первых социалистов и революционеров было много выходцев из аристократии. Известнейший пример — русский князь Кропоткин, один из главных теоретиков анархизма, вставший на сторону рабочего класса, простых тружеников. Сходный идейный путь проделал великий русский писатель граф Лев Толстой. Духовно-нравственный надлом, сопровождавший крушение сословий в русском обществе, впечатляюще описан в пьесе Чехова «Вишневый сад».

Это не просто отдельные случаи: в них наглядно видна важнейшая историческая грань, *отделяющая классовое капиталистическое общество от сословного* (иногда называемого феодальным). За этой гранью в прошлом остаются социально сознательные нобли, высшие сословия, отказывающиеся принимать парадигмы буржуазного строя. Как только этот строй наступил окончательно и бесповоротно, аристократический протест, несостоятельный сам по себе, обратился подчас к тем, кто ставил своей целью сокрушить капитализм слева — со стороны нищих и обездоленных.

«Коммунистический манифест» Маркса, впрочем, с иронией и недоверием относился к таким тенденциям³. Вместе с тем, термины в которых в нем описано наступление капитализма, двусмысленны: в них скрыто неявное (весьма относительное) сочувствие феодализму (эстетически, по меньшей мере, последний предстает более привлекательным). Маркс пишет: «Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мешчанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одну* бессовестную свободу торговли».

И далее:

«Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям»⁴.

Важно заметить, что сословная элита в ходе становления классового общества *частично слилась с новой буржуазной верхушкой*, а частью *перешла к ней в жесткую оппозицию*, сблизившись с революционными элементами пролетариата — обездоленным классом. Внимательное и беспристрастное исследование соучастия радикально антибуржуазной аристократии в становлении революционного социалистического движения — вплоть до крайних его форм (анархизм, коммунизм) — существенно обогатило бы наше представление о первых шагах и тайных аспектах зарождения современного рабочего движения.

Если вспомнить тезис о роли тайных обществ неконформистской ориентации в социально-политических переворотах и революциях, все встанет на свои места. При победе новой плутократической элиты в буржуазной системе старая сословная элита, сохранившая верность прежним идеалам, превращается в своего рода «тайное общество» с особой неконформной политической философией.

Социализм бесклассовое общество (общество масс) По мере укрепления капиталистической системы и отступления «реакционных элит» сословного общества перед лицом буржуазии, сложилось особое направление философии политики, которое отвергало капитализм, настаивало на его уничтожении, но вместе с тем принимало многие его парадигмальные установки — веру в прогресс, неприязнь к сословной (и тем более кастовой) иерархии, материализм, атеизм и т.п. Это направление получило название «*революционной демократии*», «*социализма*» — в крайних формах «коммунизма» и «анархизма».

Преобладающее направление этой идеологии можно охарактеризовать как *доведение до логического предела процесса десакрализации общественно-политического устройства*, характеризующее весь путь от онтократии (касты) к плутократии (классы). Принимая капитализм как более совершенный и развитый этап политической истории по сравнению с сословным обществом, социалисты вместе с тем, считали, что он недостаточен и должен быть диалектически преодолен новой формацией — социализмом.

Социализм основан на идее *бесклассового общества*, в котором вообще отсутствует деление на элиту и массы, и где материальные блага распределяются между всеми членами общества равномерно. Разными типами социализма предлагались разные способы перехода к такому обществу, но все они были едины в том, что капитализм, несмотря на свои достижения, *сохраняет определенные родовые черты сословного общества*, запечатленные наглядно в имущественном неравенстве и, соответственно, в социальной иерархии, на нем основанной. Выступая против имущественного неравенства, социалисты выступали *против социально-политической иерархии как таковой, против власти элиты — за равноправие масс*. Так как классовое понимание политики сводило все противоречия к собствен-

ности и формам обладанию ею, то социалисты приравнивали социально-политическую иерархию (дуальность «элита — массы») к *материальному моменту, и перераспределение материальных благ виделось как эффективный элемент слома социальной иерархии* как таковой.

Социалистическая философия политики выдвинула принцип полного социального равенства, который был призван завершить логическую цепь десакрализации политической иерархии во всех ее формах. Это была теория «массового общества», где вертикаль власти и собственно «элита» вообще должны были отсутствовать.

Разные ветви социализма видели пути к бесклассовому обществу по-разному.

Марксизм и революция Марксизм проповедовал необходимость *пролетарской революции*, т.е. насильственного захвата власти пролетарским классом (революционной массой) и уничтожением буржуазии (элиты) как класса. *Обобществление имущества, отмена частной собственности и полная коллективизация* создавали предпосылки для нового типа общества, в котором нет классов и элиты, а есть *только массы*.

В реальной исторической практике коммунистическая партия, выступавшая в роли авангарда пролетарского класса и, соответственно, инструмента перехода к бесклассовому обществу, сама почти всегда *становилась социально-политической элитой*. Это была совершенно особая элита, отрицавшая какие бы то ни было онтологические (антропологические или имущественные) отличия ее представителей; в теории коммунистическая элита состояла из тех, кто был не «выше», но «равнее» остальных.

Анархизм Социальный анархизм, развитый французом Жозефом Прудоном, русскими Михаилом Бакуниным и князем Кропоткиным, видел путь к преодолению капитализма иначе — через создание автономных поселений свободных тружеников, выходящих из-под материального, политического и интеллектуального контроля буржуазии и государства (анархисты вообще отрицали государство) через общинный труд и полное имущественное равенство. Анархисты так же, как и коммунисты, отрицали иерархию, критиковали марксистов за то, что те «делают из пролетариата новую элиту», считают возможным «сохранить государство» в прагматических целях и отрицают «революционный характер сельской общины».

Социал-демократия Более умеренные социал-демократы понимали путь к бесклассовому обществу как *эволюцию самого капитализма* в сторону изменения сознания буржуазных элит и добровольного перераспределения ими материальных благ между всеми членами общества. Здесь предполагалось не свержение капиталистической элиты (как в марксизме) революционным классом и не ее изживание (как в анархизме), но ее постепенное *растворение* в мас-

сах, путем повышения уровня благосостояния самих масс вплоть до неразличимой слитности с правящим слоем по имущественному критерию.

Общество масс Во всех версиях социализма ориентиром выступало посткапиталистическое общество — *общество масс*.

Концепция «общества масс», «бесклассового общества» логически завершает исторический процесс изменения качества и форм пары «элиты — массы». В изначальной кастовой системе различия между элитой и массой имели глубинный онтологический характер, мыслились как нечто фундаментальное и сопряженное с самой природой людей. В сословном обществе эта дифференциация менее абсолютна — в ней допускается (пусть в теории) возможность смены социального положения, признается значение личных заслуг. В классовом обществе различие еще более относительно: оно касается лишь материального фактора: разбогатевший автоматически принадлежит к элите, обездоленный, нищий, разорившийся — к массам. И наконец, в социалистической теории отменяется и эта материальная составляющая, и, соответственно, водораздел социально-политической иерархии вообще упраздняется.

О школах в философии политики Компетентные философы политики должны научиться довольно сложной интеллектуальной операции: выяснению парадигмальной (закадровой) базы, на которой основывается тот или иной тип философа, идеолога, политика или ученого. Это позволит воссоздать полноту позиции мыслителя даже по отдельным признакам и поместить его высказывания в правильный контекст.

Это наглядно видно на примере модели формулы «элиты — массы». Странник фундаментализма, традиционализма и сакрального строя (это более относится к неавраамическим традициям) исходит из метафизической обоснованности природной иерархии, предопределяющей структуру его представления о природе Политического. При оценке качества перехода от традиционного общества к современному, он, в доказательство общей деградации и десакрализации (что для него однозначное зло), приведет «кастовое смешение», «массовость», разрушение иерархии. Доводы, которыми сторонники модернизации социально-политической системы подкрепляют свои взгляды, будут для него лишь *прикрытием* основной тенденции — общего регресса человечества — а не *аргументами* в ее пользу. Иными словами, эти доводы он заведомо не станет принимать всерьез, «расшифровывая», «интерпретируя», «разоблачая» их исходя из собственной системы ценностей. Он оценивает общий вектор со *своей* идейной платформы, исходя из *своей* парадигмы, и отталкиваясь от нее, воспринимает дискурс всех тех, кто «левее» его — от сторонников сословного общества до коммунистов. Модернисты часто указывают на косность, архаичность, даже интеллектуальную ограниченность консерваторов-фундаменталистов, но за этим

стоит именно *конфликтность на уровне исходных парадигм*, для которой аргументация, принадлежащая контексту иной парадигмы, заведомо несостоятельна и невятна.

К примеру, индуистские Пураны (священные тексты) описывают «последние времена» (кали-югу) как эпоху, когда низшие касты потеснят высшие, а потом и вовсе все касты смешаются между собой. *Для индуиста* ничего не может быть *хуже*. И именно так индуист будет относиться к прогрессисту: для него он носитель темных энергий адской богини — богини смерти, растворения, конца времен.

Сословное общество, со своей стороны, дистанцируется от кастового, но и отвергает классовое (буржуазное) и социалистическое (бесклассовое). Здесь вырабатывается особый контекст, где не ставится под сомнение меритократический принцип — серьезная властная автономность элиты. Не утверждая, что люди тотально и необратимо неравны уже по своему рождению, сословное общество тем не менее приветствует социальную иерархию — в том числе и династическую, но требует подкрепления исходных данных определенными действиями. Социальное неравенство не рассматривается здесь как зло, и элита остается до определенной степени сакрализованной сама по себе — вне зависимости от материального фактора, который считается второстепенным.

Эта структура порождает свою философию политики, с аргументацией отличной от иных парадигм — и от кастовой, и от буржуазной, и от коммунистической. И снова из-за различия в стартовых парадигмальных установках осмысление аргументов тех, кто стоит на иных позициях, происходит через *процесс перетолковывания*. Критикуя кастовое общество как стремящееся искусственно закрепить статус элиты вне зависимости от ее политического качества (т.е. отказывая кастовой системе в серьезности ее онтократических установок и тем самым «разоблачая» ее), отвергая капитализм как неправомерное стремление низших (по качественным критериям) каст узурпировать властные функции в обществе (здесь актуальны «теории заговора», часто с теологической коннотацией; реакционными феодально-клерикальными силами буржуазные революционеры воспринимались как «сатанисты»), ужасаясь социалистическим проектам как экстремальной стадии капиталистической революции, апологеты сословного строя *мерили своих оппонентов по своим собственным критериям*, интерпретируя их замыслы, их «истинные намерения» в своей системе координат.

Буржуазная философия политики, выдвигающая в качестве главного критерия имущественный фактор, вновь все измеряет по своей мерке — предшествующие формации лишь прикрывали материалистический эгоизм и стремление к материальному комфорту «сакральными» мотивами, и следовательно, их высказываниям не может быть никакого доверия. Так капитализм «разоблачает», со своей позиции, традиционное общество. В отно-

шении коммунистов их позиция тоже очевидна: «ленивые и злые» массы, не желающие и не умеющие работать, стремятся неправомочно узурпировать материальные ресурсы, нажитые «честным» трудом. Аргументация марксистов или анархистов не трогает буржуазную философию политики, как не трогает ее и критика со стороны реакционеров и традиционалистов: интерпретируя позиции противников, эта философия по сути отказывает им в праве на состоятельность и убедительность.

И наконец, марксисты, восприняв от буржуазии преобладание количественного (экономического) подхода к истории, развивают в разделе исторического материализма свой взгляд на смену формаций, где позитив и истина отводятся массам, пролетариату, бесклассовому обществу будущего, а аргументы противников «разоблачаются», т.е. попросту обесмысливаются, будучи помещенными в радикально иной парадигмальный контекст. Исходя из безусловного превосходства масс и равенства, коммунисты отказывают другим формам философии политики в состоятельности уже потому, что в них существование элиты обосновывается более или менее фундаментальными принципами, но все, что проистекает из этих принципов, для поборников всеобщего равенства заведомо лишено смысла. Равно как абсурдными по своей структуре являются основные положения коммунистической парадигмы для тех, кто придерживается иных взглядов.

**Смещение кон-
текстуальных
парадигм** Мы подробно останавливаемся на этом обстоятельстве для того, чтобы подчеркнуть *несоизмеримость различных контекстов философии политики*. Сегодня мы все еще имеем дело с преподаванием политологии, истории, экономики, социологии на основании марксистской модели — это затрагивает не только интерпретацию важнейших событий, но и *подспудную систему координат*. Исторический материализм, к примеру, которым по инерции продолжают руководствоваться многие современные ученые и политики, заведомо отвергает саму возможность принятия иных парадигмальных контекстов. Точно также и буржуазная (либерал-демократическая) философия политики, которая усиленно внедряется сегодня в наше образование, основана на разработках западных обществ и соответствующих политологических и философских школ и привносит в осмысление политических и исторических событий и процессов свой собственный контекст. Этот *контекст* конфликтен с инерциальным коммунизмом, а также с проявляющимися (вместе с ростом религиозного самосознания и обращения к истории) элементами иных — *консервативных* идеологий.

Современная российская (да и общечеловеческая) реальность такова, что *разные общества живут сегодня в разных парадигмальных условиях, накладывающихся друг на друга*. Традиционное общество в Индии причудливо проступает сквозь западно-демократическую модель политического устройства. Религиозный фактор в исламском мире приобретает

все большее значение, повышая роль забытых и казалось бы преодоленных структур креационистского сознания. Влияние марксизма на некоторые страны Восточной Европы и Азии столь велико, что рудименты этого подхода постоянно дают о себе знать сквозь недавно принятые, но еще далеко не вполне осознанные нормативы буржуазной философии. И наконец, сам капиталистический мир впитал многие элементы социал-демократического, умеренного социалистического подхода, чем существенно затемнил и видоизменил стройность философии политики предшествующих этапов истории буржуазных обществ.

В такой ситуации, когда одновременно в политическом дискурсе могут присутствовать *все четыре базовых подхода* — в частности, четыре несводимые и конфликтные модели понимания природы, сущности и функции элит и масс, — перед философами политики стоит очень трудная задача: *выявление и фильтрация соответствующих парадигм, разведение по сторонам системы аргументов, соответствующих каждой из них*.

**Теория элит в
неомакиавелли-
стской школе** Теория элит была развита как самостоятельный раздел современной политологии представителями школы неомакиавеллизма.

Никколо Макиавелли — философ политики, который предложил вынести за скобки содержательную (или ценностную) сторону политического процесса, сосредоточив основное внимание на описании *технологии захвата и удержания власти*. В конце XIX — начале XX века возникла школа философов политики, экономистов и социологов, которые пытались взглянуть на структуру Политического так же холодно и жестко, как в свое время Макиавелли, вынося за скобки морально-ценностную риторику современных им политических партий и движений — как либеральных, так и консервативных или социалистических.

**Политический
класс Гаэтано
Моска** Один из крупнейших представителей этого направления, итальянец Гаэтано Моска разработал теорию *«политического класса»*.

Главным импульсом, который подвиг его дать холодный и подчас жестокий анализ современного общества, было раздражение от гуманистической, либерал-демократической риторики, которую он слышал со всех сторон, но которая вызывающе контрастировала с конкретной социальной реальностью. Сходство с Макиавелли требует вместе с тем определенных уточнений. Макиавелли писал свои труды в фазе перехода Европы к парадигмам Нового времени, и его философия политики несла в себе отрицание сакрального (католико-имперского) пласта в системе Политического (Макиавелли по-своему приближал Новое время, готовил пути либеральной мысли). Гаэтано Моска творил в разгар Нового времени, и его критика направлена в большей мере против либеральной риторики. Если Макиавелли десакрализовал европейскую сакральность, то Моска (и дру-

гие представители неомакиавеллистской школы) демифологизировали само либерально-демократическое общество, возникшее как *продукт десакрализации*. С трудами Макиавелли эту школу роднит методология, но контексты — исторический и парадигмальный — существенно различаются.

Москва исходил из модели перманентизма, из принципа, что *человеческое общество по сути не меняется*, несмотря на смену идеологических и социальных декораций. За разговорами о «прогессе», «демократии», «развитии» и «свободе» стоит неизменная и довольно эгоистическая человеческая природа. Следовательно, все аргументы либерал-демократии относительно превосходства современных идей и политических институтов являются «бессодержательной пропагандой», служащей лишь прикрытием и оправданием для новых социальных элит. В духе классового подхода Моска называл современную демократию — «плутodemократией», т.е. «властью богатого, состоятельного народа». По сути, такой подход подчеркивал специфику современных элит, напрямую связанных именно с финансовой и имущественной составляющей жизни.

Моска предложил гипотезу о том, что властная структура общества и в древности и в современности остается принципиально одинаковой. В любом обществе существует правящий, *политический класс*. Этот правящий класс, с его точки зрения, обладает постоянными признаками как в эпоху кастового общества, так в обществе сословном и классовом, и останется таковым даже при гипотетическом социалистическом и коммунистическом строе. Если оставить в стороне качественную сторону элит, их самоидентификации, их идеологии и саморефлексии, то остается чисто технологическое, функциональное описание.

С этой точки зрения, элиты обладают *общим набором качеств*, и поэтому могут быть изучены как самостоятельное структурное явление.

По Гаэтано Моска, в любом обществе существует «политический класс» — «класс» не в марксистском понимании, но, скорее, в смысле «элиты». Задача этого «политического класса» проста — властвовать, сохранять власть и бороться против тех, кто бросает ей вызов. «Политический класс», по определению, есть «правящий класс», и он отчаянно всеми средствами борется за то, чтобы оставаться правящим и далее.

Для Моска все равно, утверждают ли жрецы и кшатрии свое божественное происхождение, пророки — то, что они избраны Богом, а капиталисты — что они обладают большей инициативностью, чем пролетарии, и поэтому имеют над ними превосходство. По Гаэтано Моска, все это — чистая демагогия; что бы ни говорили представители «политического класса», это лишь *прикрытие для осуществления ими властных функций*.

Согласно Моска, эгалитаристские и демократические теории, формально провозглашающие отказ от принципа элитарности, избранности, заявляющие об отмене постоянной властной группы, на самом деле, лишь прикры-

вают собой реальные устремления нового «политического класса», его волю к власти, завуалированную особой формой «политической демагогии». Это тот же тип людей, и раньше составлявших костяк властных элит, но действовавших под другими лозунгами. В корне «политического класса» лежит особый психологический настрой определенного социального типа, который при любых обстоятельствах и под любым предлогом стремится стать *субъектом* политики, а не ее *объектом*.

Закон олигархии Другой автор социологической школы, Роберт Михельс, ввел понятие «железный закон олигархии»* («железный закон олигархических тенденций»).

Подход Михельса дополняет идеи Моска.

Теория элит Вильфредо Парето Сходную теорию разработал Вильфредо Парето, социолог, экономист, политолог, философ политики. И Парето и Моска вдохновлялись идеями швейцарского экономиста — Леона Мари Эспри Вальраса, создавшего теорию.

В отличие от экономистов либеральной и марксистской школы, признающих асимметрии (у марксистов — противоречия) экономического развития в качестве движущего фактора, Вальрас утверждал, что все системы хозяйства тяготеют к равновесию и любое отклонение или изменение в экономической сфере тут же провоцирует восполнение на другом уровне. По Вальрасу, экономическая система всегда остается сущностно идентичной.

Парето, отталкиваясь от перманентизма Вальраса, развил «теорию ротации элит». Он, как и Моска, не делал качественных различий между кастами, сословиями и классами.

Согласно Парето, в обществе существует постоянный *баланс элит*, тяготеющий к равновесию. С одной стороны, есть «правящая элита», находящаяся в данный момент у власти. На противоположном полюсе пребывает «потенциальная элита», «*контрэлита*», которая может и хочет стать правящей, но пока таковой не является. Существует также «*антиэлита*», включающая антисоциальные (криминальные) элементы, принципиально противящиеся любой социальной организации и противостоящие любой элите. Есть также «*неэлита*», т.е. массы, социальный тип, не способный превратиться в элиту ни при каких обстоятельствах, но в целом принимающий законы политической организации, устанавливаемый элитами.

Элита и контрэлита состоят из социально активных, волевых, предпримчивых людей, обладающих сильным притяжением к власти, стремящихся править и властвовать. Они и составляют «политический класс». Вне власти и правления этот тип не мыслит себя, не может существовать. *Господство — это смысл существования таких людей*.

Правящая элита всегда действует приблизительно по одному сценарию, повторяющемуся цикл за циклом. Добившись власти высоким напряжением сил и воли на первом этапе, элита стремится укрепить свое господ-

ство на втором, дряхлеет и ослабевает (стагнирует) на третьем — и падает на четвертом, уступая место *иной элите*.

Свежая элита отличается динамизмом, созидательностью, мощью. Она открыта к новизне и легко впитывает в себя достойные ценные кадры. Потом она замыкается в себе, становится менее проницаемой — проникновение в нее крайне затруднено и избирательно. И наконец, на последней стадии цикла правящая элита вообще не приемлет людей со стороны, предпочитая передавать власть совершенно недееспособным, но *своим* представителям, нежели деятельным и эффективным *чужакам*. Так элита начинает вырождаться и слабеть. Отрываясь от контакта с массой, элита теряет энергию и силу, превращает власть в привилегию, утрачивает возможность адекватно реагировать на политические и социальные вызовы.

Контрэлита Когда правящая элита замыкается в себе и вырождается, в обществе образуется альтернативный ей полюс, названный Парето «*контрэлитой*». Контрэлита представляет собой психологический тип активных волевых людей, обладающих всеми необходимыми данными, чтобы соучаствовать во власти и управлении обществом, но лишенных возможности делать это из-за непроницаемости правящей элиты. На предшествующих этапах цикла для таких людей пути во власть остаются открытыми, и они способны в нее интегрироваться. Тогда контрэлиты не возникает; отдельные «обиженные» недостаточно концентрированы и количественно несомы, чтобы сложиться в организованную группу. Но по мере замыкания правящей элиты в себе и ее дряхления, отторженные от власти носители политической энергии, активности и повышенной жизненной силы начинают консолидироваться в сплоченную группу и становятся «контрэлитой». «Контрэлита» серьезно отличается от окружающей ее неэлиты, массы, «молчаливого большинства» по своим психологическим и социологическим характеристикам, но она часто представляет себя как «выразительницу воли масс, недовольных правящей элитой».

Антиэлита Существует и еще один особый тип, «антиэлита», состоящий из преступников, первертов, людей творческих профессий, богемы, свободных маргинальных элементов. Эти люди наделены повышенной активностью и силовым потенциалом по сравнению с массами (простой «неэлитой»), но при этом принципиально неспособны *преобразовать свой разрушительный импульс в созидательный*. Оппонируя правящей элите, противясь ее организующей воле, они ни при каких обстоятельствах *не могут ее заменить*, движимые стихией *чистого отрицания*. От контрэлиты антиэлиту отличает именно принципиальная невозможность *превратиться в правящую элиту*. А от неэлиты — буйство и непокорность, повышенный жизненный тонус и хаотическая активность.

Антиэлита существует в обществе всегда, но активизируется по мере того, как слабнет власть правящей элиты и замедляется ее ротация. В опре-

деленных ситуациях контрэлита и антиэлита сближаются в своем отрицании «правящего класса», но снова расходятся, как только контрэлите удастся осуществить свой план, и, свергнув властителей, занять их место.

Антиэлита в такой ситуации продолжает свою стратегию бунта и фронды и становится жертвой нового цикла власти⁵.

Ротация элит Эти циклы в жизни элит Парето называет общим термином «ротация», «постоянная смена». Пришедшая к власти новая элита (вчерашняя контрэлита) на первом этапе сталкивается с множеством новых и неожиданных проблем и вызовов, связанных с властью; чтобы справиться с этим, она активно впитывает в себя дееспособных и активных людей из разных социальных слоев. Это необходимо ей, чтобы закрепиться. На этом этапе цикла элит ротация идет быстро, активно, и ее объем максимален. Позже она затормаживается. Еще позже вообще останавливается, что приводит к зарождению новой контрэлиты и перевороту. И цикл ротации элит начинается снова.

Закон ротации элит, прекрасно подтвержденный историческими фактами, показывает, что для самосохранения господствующие элиты должны постоянно поддерживать цикл обновления, подтягивая кадры из разных сфер общества. Критическим порогом является появление «контрэлиты». Как только это происходит, у власти возникает серьезный конкурент, способный ее опрокинуть. Если и на этом этапе не предпринять усилий по активизации ротации, старые элиты обречены. В этом выражается закон равновесия Вальраса, примененный к политике.

Развивая теорию ротации элит, Парето считал оптимальным сделать этот процесс постоянным, и тем самым концептуально закрепить социальное равновесие, которое в противном случае будет восстанавливаться слишком жестким и рискованным образом. В своем «техническом» (не «гуманитарном») аспекте демократические системы дают для этого оптимальный инструментарий.

Для Парето совершенно не важно, какой идеологией оправдывают свой революционный порыв контрэлиты, и на какой мировоззренческой платформе стоит элита правящая. Это зависит от конкретных исторических обстоятельств и настроений в обществе. С точки зрения всей неомакиавеллистской школы, функциональная технология баланса элит намного важнее схоластики революционных или консервативных идеологий, которыми прикрываются силы, ведущие борьбу за власть.

Примечания

⁵Пример мировоззрения низших каст приводит современная исследовательница Индии Савитри Дэви Мухерджи (настоящее имя Maximiani Portas (1905-1982)) см. «*The Lightning and the Sun*», Delhi, 1958. Однажды она

спросила у мальчика из касты шудр: «Почему ты, шудра, лишенный всех прав, считающийся полным мусором в этой кастовой системе, принимаешь такое разделение?» На это мальчик ей ответил: «Это соответствует высшей божественной справедливости. Если я буду хорошо исполнять свою миссию слуги, шудры — выносить мусор, убирать грязь, чистить обувь хозяев — и проведу порядочную жизнь в низшей касте, то после смерти я смогу воплотиться в другом мире в более высокой касте, например, вайшьев и так далее. Если я буду выполнять свою карму, свое предназначение, я достигну в одной из жизней высших ступеней иерархии, в каком-то мире буду брахманом и сольюсь с Абсолютом, реализую высшее тождество». Он говорил так разумно и в то же время смиренно потому, что возможность достижения высших ступеней иерархии в учении индуизма остается для него открытой. Таким образом, представитель низшей касты отождествляет себя в своем сознании с тем, что происходит в высшей касте.

²Эта тема чрезвычайно важна при анализе русского большевизма, представляющего собой именно сочетание экстравагантной элитарной доктрины с эсхатологическими чаяниями народных масс и мессианских сект.

³«Французская и английская аристократия по своему историческому положению была призвана к тому, чтобы писать памфлеты против современного буржуазного общества. Во французской июльской революции 1830 г. и в английском движении в пользу парламентской реформы ненавистный выскочка еще раз нанес ей поражение. О серьезной политической борьбе не могло быть большей речи. Ей оставалась только литературная борьба. Но и в области литературы старые фразы времен Реставрации стали уже невозможны. Чтобы возбудить сочувствие, аристократия должна была сделать вид, что она уже не заботится о своих собственных интересах и составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплуатируемого рабочего класса».

⁴К.Маркс «Коммунистический манифест».

⁵Многие деятели русской революции — Г.И.Котовский, С.А.Камо (Тер-Петросян) и другие — являются иллюстрацией этого явления: разбойники (антиэлита) участвуют в революции (особенно в том, что касается экспроприации) вместе с убежденными революционерами (контрэлита), но когда власть взята, революционеры остаются (на некоторое время) у ее кормила, а попутчиков из антиэлиты оттуда выносят.